

Е.В. Беляева

УДК 172

Влияние травматических социальных ситуаций на университетскую этику в цифровом пространстве

Аннотация. Текст посвящен взаимосвязи травматических социальных ситуаций, к которым можно отнести пандемию COVID-19, протестное движение в Беларуси – 2020, а также изменения в этике университета, в том числе в цифровом пространстве. Развивается идея о том, что под воздействием травматических социальных ситуаций люди начинают уделять перво-степенное значение нравственным отношениям в реальности, что определяет функционирование и академической этики университета, и цифровой этики как поведения в виртуальной среде.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, травматическая социальная ситуация, белорусский протест – 2020, этика университета, цифровая этика.

Уже много написано о том, как цифровизация изменила нашу жизнь, как виртуальная реальность начала дополнять и даже заменять социальную, как изменяются этика вообще и университетская этика, в частности, под воздействием цифровых технологий. Однако настало время проанализировать обратную взаимосвязь, при которой травматические социальные ситуации становятся источником таких реальных нравственных процессов, которые начинают определять этическое поведение в цифровом пространстве.

«Травматическая ситуация, – писала профессор Г.Н. Соколова, – может быть определена как состояние напряжения, связанное с конкретными социальными изменениями и вызывающее нарушение привычного образа мысли и действия, меняющее жизненный мир людей, их модели поведения и мышления» [3, 35]. Травматическая ситуация входит в структуру социальной (культурной) травмы, однако для полноценной фиксации последней необходима временная дистанция, позволяющая обществу определиться с реакцией на травмирующую ситуацию, репрезентировать ее в СМИ, осмыслить на уровне научного сознания, найти ей место в историческом опыте сообщества. Такое осмысление современных травмирующих ситуаций еще впереди, однако их способность разрушать (и созидать) нравственные основания культуры не подлежит сомнению. Как писал П. Штомпка, «какое-то значительное событие бьет по самым основам культуры, точнее, интерпретируется как абсолютно несоответствующее ключевым ценностям, основам идентичности...» [5, 8]. Для со-

временной Беларуси такими травмирующими ситуациями стали пандемия COVID-19 и социально-политическая ситуация в стране.

В 2020 году в Беларуси начались массовые протесты, посредством которых люди высказывали свое возмущение обнаружившимися фальсификациями в ходе президентских выборов, нарушениями закона, насильственными действиями в отношении граждан. Длительность и сплоченность протестных действий обусловлены тем, что люди увидели в действиях властных структур попрание базовых моральных ценностей и основ общественной справедливости. В этой связи Белорусский протест – это, в первую очередь, протест нравственный. Рассмотрение его в контексте «внешнеполитических угроз» представляется неверным, поскольку граждане, выходящие на протесты, демонстрируют возмущение не «геополитическими раскладами», а фактами насильственных действий, массовыми несправедливыми приговорами в отношении протестующих и их непосредственного окружения.

Травмирующая белорусов ситуация носит не просто социально-реальный, но конкретно-чувственный характер. Одно дело читать доклад Управления Верховного комиссара ООН по правам человека об актах насильственных действий в отношении граждан в Беларуси. Совсем другое – слушать рассказы конкретных людей, к которым были применены насильственные действия. Это истории граждан, задержанных по административной статье «за участие в несанкционированных общественных мероприятиях», к которым приравнивается и любое нахождение в неудачное время в неудачном месте. Когда, с одной стороны, мирные шествия, пикеты и прочие протестные активности, продолжающиеся уже пятый месяц. А с другой – действия правоохранительных органов, переходящие от разгона уличных демонстраций к репрессивным практикам, имевшим место в истории страны первой половины XX в. Эти события уже невозможно «оцифровать» и пережить «дистанционно».

В геополитике считается, что так называемые «цветные революции» стали возможны благодаря интернету, в частности, за счет возможности управлять действиями людей с помощью медиаресурсов. Белорусские события указывают на то, что либо этот тезис неверен, либо в Беларуси – не «цветная революция». Так, одним из способов воздействия на ситуацию правоохранительными органами было избрано отключение интернета – во всей стране в течение трех дней после выборов, мобильного интернета – во время массовых уличных акций, домашнего интернета – в квартале вокруг так называемой «Площади перемен», жители которого, оказывая настойчивое сопротивление властям, вывешивали «незарегистрированную

символику». В результате участники протестных движений обратились к способам коммуникации, существовавшим в эпоху до интернета – установили такое количество личных горизонтальных контактов, благодаря которому о фальсификациях на выборах, актах насильственных действий в отношении протестующих граждане узнавали не из «деструктивных СМИ», а от конкретных людей, что во многом и обусловило масштаб общественного возмущения.

Таким образом, возникла травмирующая реальность, которая стала определять отношение к медиаресурсам и цифровую этику – а не наоборот. Один из лозунгов на протестных маршах: «Смотри в окно, а не в телевизор!». В результате цифровое пространство стало организовываться под воздействием нравственных практик реальности. Встречающихся в районных чатах троллей жители, знакомые друг с другом, научились отсеивать. Нормой сетевой этики становится проверка всякого распространяемого сообщения на предмет того, не является ли оно фейком. Если же опубликованная информация оказывалась недостоверной, стало принятым извиняться не только в сетевых СМИ, но и на страничках в социальных сетях простых пользователей.

Таким образом, социальная самоорганизация начала осуществляться не в цифровом, а в реальном пространстве (где проходят дворовые чаепития, концерты, спортивные мероприятия, субботники), то есть там, где жителями устанавливаются непосредственные нравственные отношения.

Вторая травматическая ситуация носит уже всеобщий характер – это пандемия COVID-19, среди последствий которой многие отметили повышение места и роли электронной коммуникации между людьми, перенос различных социальных практик в виртуальный мир. Между тем сама болезнь протекает не в цифровом пространстве, а в конкретном живом организме. Соседство с другими телами, заражёнными вирусом, задаёт отношение к ситуации. Ни речь представителей властных структур о том, что COVID – это просто «психоз», ни публикация Министерством здравоохранения республики ложной статистики оказались не способными изменить реальность, в которой живут граждане. Каждый знает, сколько его знакомых и как именно переболели этим заболеванием, это знание и определяет цифровое поведение. Поскольку полного локдауна в Беларуси не было, и не более четверти офисов перешли на удаленную работу, то в сети обсуждались не ужасы самоизоляции, а вопросы, связанные с заражением, лечением и реабилитацией; со средствами защиты для врачей, их питанием, расселением и другой поддержкой; с волонтерами, помогающими тем, кто не может выйти из дома. В условиях недоста-

точности действий Министерства здравоохранения граждане начали сами помогать друг другу на основе фундаментальной нравственной ценности, определяющей целостность любого сообщества, – солидарности. Солидарности не только профессиональной и территориальной, но и сетевой, не связанной напрямую с другими социальными признаками человека. Сообщества взаимопомощи стали формироваться как моральные, используя социальные сети в качестве инструмента самоорганизации.

Когда на ситуацию социального протеста наслои́лась вторая волна COVID-19, то именно в реальности границы добра и зла пролегли совершенно наглядно по линиям наси́лие/ненаси́лие, жизнь/смерть, разрушая постмодернистский мир всеобщего релятивизма, постправды, множественности несопоставимых моралей. И это разграничение стало отчётливым в том числе в цифровом пространстве. В этой связи можно согласиться с А.Ю. Согомоновым, что в цифровую эпоху «моральное сознание и нравственное поведение по факту изменяются быстрее и по непредсказуемому для классической этической теории сценарию» [2, 72], но можно поставить под вопрос тезис о том, что цифровая этика превращается в закрытый и автономный мир альтернативной морали [2, 80]. В травматических социальных ситуациях именно с точки зрения норм и ценностей реальной нравственности оцениваются практики цифрового мира.

В таком контексте обострились проблемы университетской этики. Невозможность учиться и учить «как раньше» потребовала нравственного самоопределения. Но произошло оно в основном на уровне личного выбора: бастовать/не бастовать, уволиться/не уволняться, работать «как будто ничего не происходит»/ сделать из кафедры трибуну пропаганды.

Университет как институция не показал себя сообществом ученых и работников образования, которое своим моральным авторитетом противостоит власти. Специфика социально-политической ситуации состоит в том, что, чем более интеллектуальным является человек, тем демонстративнее с его позицией не считаются. И оказалось, что самой этичной позицией, которую может позволить себе ректор вуза, является тезис: в университете могут работать люди разных политических убеждений, «за политику никто уволен или отчислен не будет». Но держаться такой позиции довольно затруднительно: когда преподаватель объявляет забастовку или отсиживает сутки административного ареста, то его отсутствие на работе трудно считать уважительной причиной, несмотря на то, что коллеги из солидарности заменяют такого преподавателя. Реакция администрации на поведение студентов, которые принимают участие, как в соб-

ственно студенческих, так и в общих акциях протеста, оказалась различной: от согласования акций со студентами до вызова ОМОНа в здание вуза.

На этом фоне разворачивающиеся в реальности глубокие нравственные конфликты оказывают влияние на жизнь цифрового университета. Возникает соблазн убегания от проблем в дистанционку в надежде, что виртуальное общение укроет от самоопределения к ситуации. На деле же именно самоопределение по отношению к реальному добру и злу влияют на функционирование этики в цифровом университете. Зло захватывает цифровое пространство в форме тотального бюрократического контроля учебной деятельности, теперь уже с использованием новых технологий. Цифровой мир стал местом реализации установок тех, кто единственным регулятором считает запрет. Как показывает Г.Л. Тульчинский, именно общие стратегии власти влияют на процесс цифровизации университета [4, 69]. В то же время поддержка коллег, солидарность, справедливость, просто доброе отношение проявляются в способах общения в цифровой среде, в расширении электронной переписки и контактов в социальных сетях, повышении доброжелательности общения, в предложениях помощи и поддержки, в добровольных пожертвованиях путём перечисления денег онлайн.

При этом в условиях стресса, вызванного травматическими социальными ситуациями, университет продемонстрировал не только адаптационные, но и инновационные возможности, позволившие перенести нравственные установки из реальности в цифровое пространство.

В Белорусском государственном университете это стало возможно благодаря двум достижениям. Первое – установка электронной платформы Moodle, обучение и поощрение сотрудников пользоваться ею, наполнение ее контентом задолго до современных событий.

Второе – юридическое оформление дистанционной работы преподавателя в виде дополнения к контракту или трудовому соглашению. В тех вузах, где это не сделано, сотрудники были поставлены перед необходимостью осуществлять дистанционное обучение в помещении университета и заполнять бесконечные формы отчетности. Таким образом, исходное этическое отношение администрации к своим сотрудникам сказалось на организации работы в цифровом пространстве.

В ситуации, когда преподаватель и студенты не встречаются офлайн, происходит перенос нравственных ценностей, разделяемых в реальности, на содержание и форму общения в цифровом про-

странстве. Притом нравственная значимость непосредственного межличностного общения не только не исчезает, но получает новые средства своего воплощения. В отличие от поточной аудитории, в которой преподаватель видится как фигура у доски, – на видео лицо лектора занимает весь экран. Видеолекция сопровождается чатом, в котором студенты регулярно публикуют вопросы для преподавателя и переписываются между собой. Университетская электронная платформа позволяет разработать и разместить множество разнообразных типов материалов и заданий, инструментов, которыми можно воспользоваться для организации учебного процесса. Почти все они интерактивные, не позволяющие ни студенту, ни преподавателю пассивно присутствовать. Что особенно важно, эти инструменты позволяют осуществить индивидуальный подход к студенту, уделить ему внимание. Поскольку все электронные контакты фиксируются, образуя «цифровой след», к нему можно возвращаться вместе со студентом, реализуя, таким образом, нравственные установки на заботу, внимание к неповторимой личности, тщательное исполнение профессионального долга, которые в реальности имеют одни способы воплощения, а в цифровой среде – другие. К тому же взаимодействие со студентом на общеуниверситетской платформе дополняется личной перепиской по электронной почте и общением в социальных сетях. Множественность каналов связи и форматов коммуникации позволяет подобрать наиболее удобную для конкретных участников конфигурацию нравственного взаимодействия в цифровом пространстве. Священная связь Ученика и Учителя не прерывается.

Возможности дистанционного обучения и его нравственный потенциал проявились, в частности, в преподавании курса «Этика и этикет» на факультете радиофизики и компьютерного проектирования БГУ. Обычно этика в расписании ставится в субботу, и до корпуса, расположенного за кольцевой автодорогой, добирается в лучшем случае треть студентов. При дистанционном же обучении и общественной актуальности проблематики к лекции подключаются не менее 80% студентов потока. В лекционном чате студенты постоянно оставляют свои реплики, создавая полезный интерактив, который совершенно невозможен в аудитории. Не говоря уже об активности на семинарах, которые проводятся в формате форума и где невозможно присутствовать молча.

Еще одна особенность данного курса – это огромное количество микрзаданий, требующих самостоятельного анализа и самостоятельного высказывания. В условиях, когда ответ на каждый вопрос можно найти в интернете, задача преподавателя – изобретать небанальные вопросы, а задача студента – создать хотя бы видимость

оригинального текста. При поступлении ответов в электронной форме гораздо проще выявлять плагиат и поощрять тех, кто придумал собственные оригинальные идеи, а также составлять обзоры поступивших работ, показывая структуру совокупного представления студентов потока о некоторой этической проблеме. В оценке заданий постоянно подчёркивается, что в окружающем мире достаточно разнообразной лжи и мошенничества, поэтому здесь, в курсе этики, надо держаться правды. И ощущается, насколько студентам близка позиция отстаивания тех моральных принципов, которые оказались нарушены в социальной реальности.

Точно также было уделено особое внимание ведению рейтинговой системы, справедливому начислению и учёту баллов, который благодаря цифровым технологиям осуществляется на электронной платформе и не может быть подделан. Таким образом, была разработана методика преподавания, позволяющая в цифровом пространстве реализовать этический запрет на плагиат (как реализацию норм «не кради» и «не лги»), идеал морали как самоорганизации субъекта, а также удовлетворить насущные нравственные потребности студентов по этическому осмыслению происходящего в обществе.

Аналогичным образом реальные нравственные проблемы, порожденные обеими травматическими ситуациями, стали детерминирующим контекстом дистанционного преподавания курса «Биоэтика» у студентов специальности «психология». Нравственное возмущение, которое выражают люди, столкнувшиеся с недостаточной помощью со стороны государства в связи с COVID-19, побуждает сформулировать ценностные критерии в области биомедицинской этики и применять их к оценке самых разнообразных случаев. Темы «Справедливость в здравоохранении», «Жизнь и смерть как главная проблема биоэтики», «Этическое регулирование в области инфекционных болезней» и многие другие наполнились не просто животрепещущими примерами. Даже содержание фундаментальных принципов биоэтики: «не навреди», «делай благо», «автономии пациента» и «справедливости», – было уточнено на базе нового нравственного опыта. Дистанционное обучение внесло изменения в посещаемость занятий: студенты, болеющие в лёгкой форме, подключаются, чтобы послушать лекцию, в то время как здоровые ее прогуливают, пользуясь возможностью выйти из дома.

Общественно-политическая ситуация, выявившая границы добра и зла, вторглась и в пространство преподавания «Биоэтики». Отчетливо ощущалось, что содержательная учёба также является формой социального протеста. Врачебное сообщество Беларуси оказалось наиболее вовлеченным в различные акции, поскольку именно

врачи первыми сталкиваются с физическими травмами, полученными людьми. В результате в области биоэтики сложились новые кейсы и способы применения ее теоретических принципов на практике.

С переходом к дистанционному образованию многие преподаватели ставили под сомнение возможность реализовывать воспитательные задачи в условиях отсутствия непосредственного общения и взгляда в глаза. Между тем этические требования, значимость которых усиливается травматическими социальными ситуациями, могут осуществляться и в цифровом пространстве, если уделить внимание специфическим способам их продвижения. Дистанционное нравственное влияние не является невозможным.

Очевидно, что руководствуясь академической этикой в ходе учебных занятий, следует выполнять учебную программу, а не заниматься политической пропагандой и разговорами о текущих событиях. Однако травматические ситуации и нравственные переживания, связанные с ними, неизбежно влияют на цифровое образовательное пространство. Преподавание всех гуманитарных дисциплин и этики особенно приобретает необычайную актуальность. Социально-политический контекст полностью определяет смысл истории этических учений, истории нравов, содержание этических категорий и нравственных ценностей, не говоря уже о прикладной этике.

Таким образом, под воздействием травматических социальных ситуаций, к которым относятся пандемия COVID-19 и протестное движение в Беларуси – 2020, люди начали уделять первостепенное значение нравственным отношениям в реальности, этика которой является определяющей функционирования и академической этики университета, и цифровой этики.

Ключевые нравственные ценности в такого рода условиях – ненасилие и солидарность – стали оказывать регулятивное воздействие на виртуальный мир, используемый в качестве инструмента решения реальных проблем. Этика поведения в цифровом пространстве обуславливается гражданской и общей нравственной позицией человека, а не спецификой «цифры».

Этика университета (и академическая, и корпоративная) показала свою относительную слабость в деле противостояния травматическим социальным ситуациям. Однако цифровой университет и дистанционное образование способны транслировать нравственные ценности и способы взаимодействия в цифровом пространстве.

Список литературы

1. БГУ: протесты – 2020. [Электронный ресурс] // Tableau Public. URL: https://public.tableau.com/profile/nickolay.katsuk?fbclid=IwAR07E-wv9viEyJpDZuVJMqFYzGS55Fw2LJTBeEI-8xpDGitvUlgGxcTrxOKk#!/vizhome/2020_16043106493640/Dashboard1 (дата обращения: 05.11.2020).
2. *Согомонов А.Ю.* Этическая повестка цифрового общества // Профессор в трансформируемом университете: «вне-алиби-бытие». Ведомости прикладной этики. Вып. 56 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ. 2020. С. 71-85.
3. *Соколова Г.Н.* Социально-экономическая ситуация в Беларуси с позиции «культурной травмы» // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 33–41.
4. *Тульчинский Г.Л.* Не-алиби на лопате цифровизации // Профессор в трансформируемом университете: «вне-алиби-бытие». Ведомости прикладной этики. Вып. 56 / Под ред. В.И. Бакштановского. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ. 2020. С. 66-70.
5. *Штомпка П.* Социальные изменения как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6-16.